

Nataliya GOLOVNINA, Yulia NOGAREVA
Sounding legacy

*To the 80th anniversary of the Media Library
of the St. Petersburg Conservatory*

The article is dedicated to a significant date in the life of the St. Petersburg Conservatory — the 80th anniversary of the Media Library, which traces its history to the Musical and History Cabinet, opened in September 1939. An article courtesy of the staff of the Media Center.

Keywords: Media Library, Media Center, A. I. Gomarteli, D. D. Shostakovich, G. P. Vishnevskaya, N. S. Rabinovich, K. V. Izotova, I. A. Braudo, Z. N. Artemeva, G. O. Korchmar, the Saint Petersburg (Leningrad) Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Наталья ГОЛОВНИНА, Юлия НОГАРЕВА
Звучащее наследие

К 80-летию Медиатеки

Санкт-Петербургской консерватории

Статья посвящена знаменательной дате в жизни Санкт-Петербургской консерватории — 80-летию Медиатеки, которая ведет свою историю от Музыкально-исторического кабинета, организованного в сентябре 1939 года. Материал подготовлен сотрудниками Медиациентра.

Ключевые слова: Медиатека, Медиациентр, А. И. Гомартели, Д. Д. Шостакович, Г. П. Вишневецкая, Н. С. Рабинович, К. В. Изотова, И. А. Браудо, З. Н. Артемьева, Г. О. Корчмар, Санкт-Петербургская (Ленинградская) консерватория.

История Медиатеки (ныне — входящей в структуру Медиациентра консерватории) ведет свой отсчет от 1939 года, когда был организован Музыкально-исторический кабинет. Сопровождение музыковедческих лекций иллюстрациями мировых музыкальных шедевров — одно из ведущих направлений деятельности наших старших коллег. Решалась эта задача поначалу с помощью двух граммофонов, аппарата для валиков Вельте-Миньон и магнитофона, записывающего на киноплёнке. Антикварные валики давно уже переданы Консерваторией в специальные архивы, но от тех времен остались граммофонные пластинки.

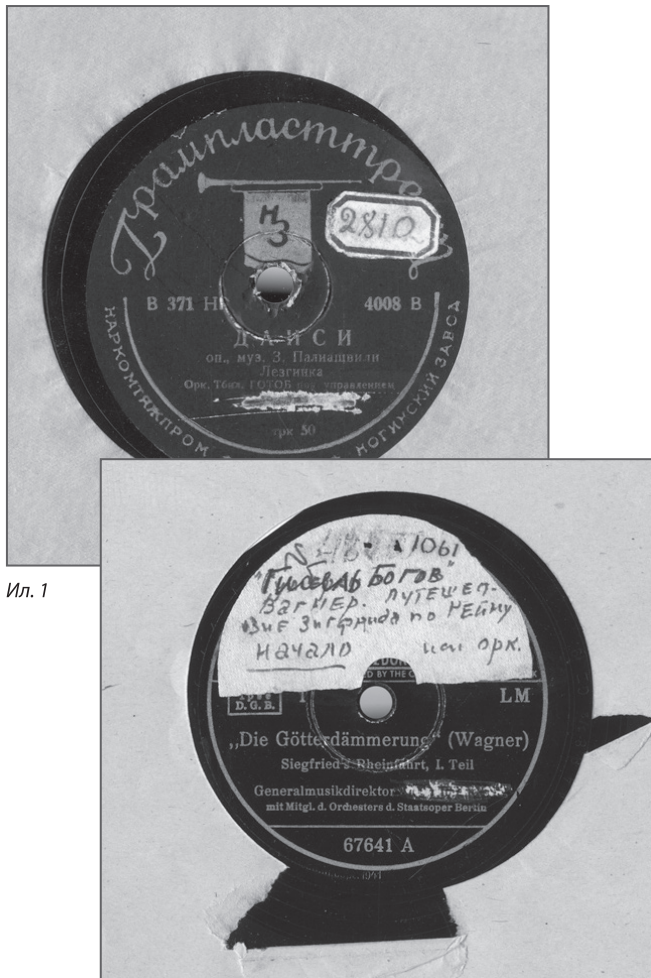
Некоторые экземпляры коллекции хранят жесткие отметины истории. К примеру, на этикетках двух носителей тщательно вымараны имена дирижеров (Ил. 1, 2). Мы навели справки и выяснили, что, вероятнее всего, в первом случае это репрессированный и по-смертно реабилитированный выпускник Ленинград-

ской консерватории, ученик Н. А. Малько и А. В. Гаука, товарищ по студенчеству Е. А. Мравинского, главный дирижер Грузинского театра оперы и балета Евгений Микеладзе (1903–1937)¹. Вторая пластинка — запись вагнеровского «Путешествия Зигфрида по Рейну». Исполняет оркестр Берлинской государственной оперы, дирижирует, как удалось установить по номеру записи, Карл Эльмендорф (1891–1962), который был включен в «Список талантливых от Бога» в нацистской Германии, а в 1942 году сменил Карла Бёма на посту главного дирижера Staatskapelle Дрездена. Сама запись состоялась в Берлине 23 июня 1941 года.

Сердце медиаархива консерватории — записи, сделанные в ее стенах легендарным Александром Иосифовичем Гомартели. Профессора шутили: «Как в Грузии популярно слово „Цинандали“, так в консерватории популярно имя Гомартели» [1, с. 11]². Александр Иосифович пополнял фонд, переписывая то, чем делились

¹ Творческому и жизненному пути музыканта посвящена книга С. А. Буряка «Дирижер Микеладзе» [2].

² С фрагментами воспоминаний, опубликованными в книге, можно ознакомиться на сайте Санкт-Петербургской консерватории (<http://old.conservatory.ru/node/717/>).

Ил. 1

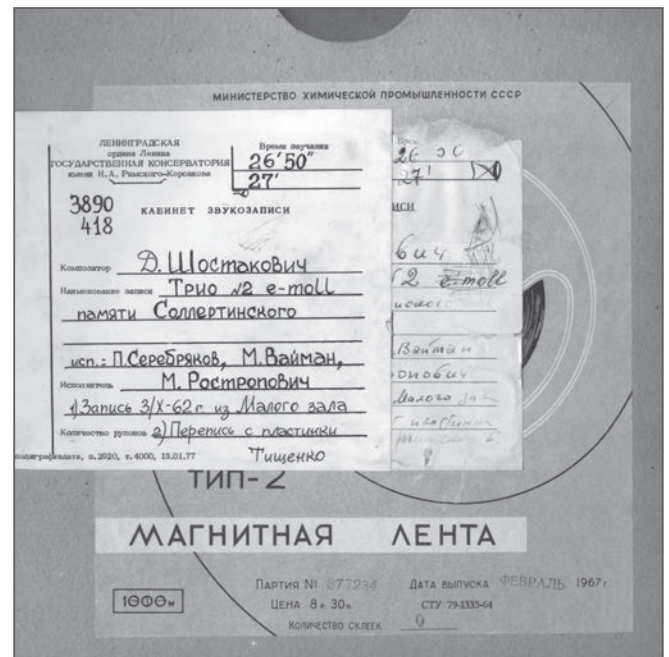
Ил. 2

коллекционеры и профессора, выезжавшие на зарубежные гастроли, организовывал записи концертных выступлений в консерваторском Зале имени А. К. Глазунова, проводил специальные студийные сессии³.

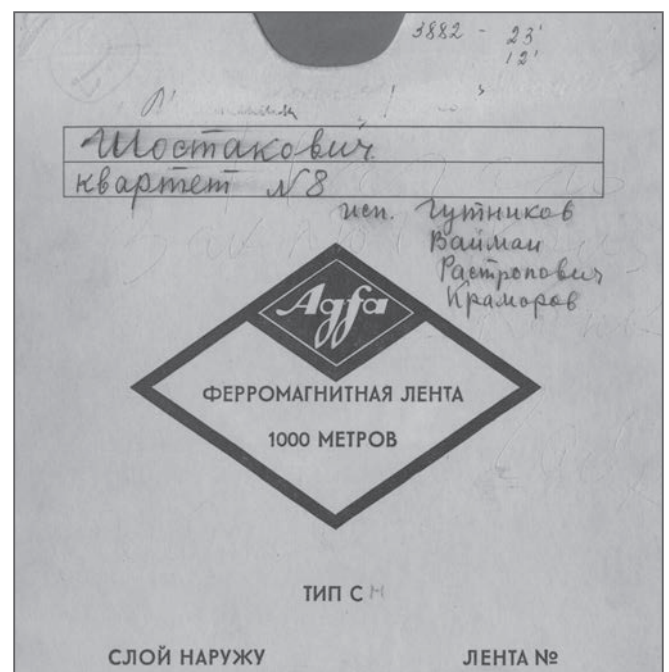
Любителям музыки известны записи Трио «Памяти Соллертинского» Д. Д. Шостаковича в исполнении Павла Серебрякова, Михаила Ваймана и Мстислава Ростроповича с указанием 1963 и 1969 годов, а в Медиатеке консерватории хранится пленка (№ 3890), на конверте которой рядом с опусом и именами музыкантов значится: «Запись 3/Х-62 г. из Малого зала» (Ил. 3).

Пленка № 2590: «Шостакович. Квартет № 8. Исп. Гутников, Вайман, Ростропович, Крамаров» (Ил. 4). В своей книге Галина Павловна Вишневская вспоминает: «Впервые мы услышали Восьмой квартет у Дмитрия Дмитриевича дома. Как всегда, играли бетховенцы, первые исполнители квартетов Шостаковича.

Слава, потрясенный сочинением, загорелся желанием сыграть его и, когда вскоре мы вместе с Дмитрием Дмитриевичем были с концертами в Ленинграде, собрал своих друзей — замечательных ленинградских музыкантов М. Ваймана (скрипка), Б. Гутникова (скрипка), Ю. Кра-

Ил. 3

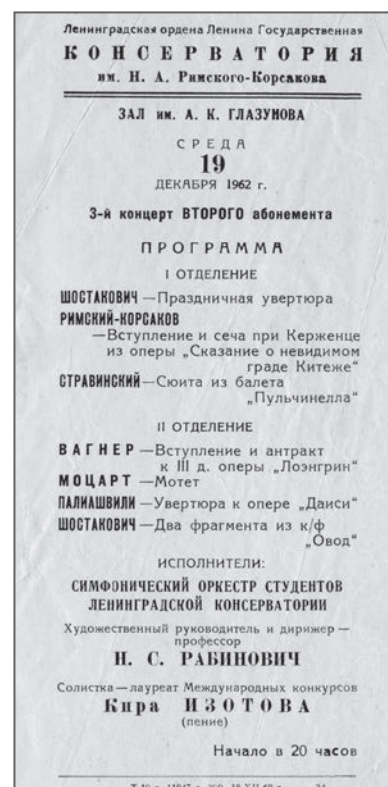
Ил. 4

марова (альт), и вместе с Ростроповичем они составили квартет» [3, с. 305].

Мы искали информацию об этой записи в различных источниках, но пока находили лишь ее фрагменты, консерваторский же носитель содержит опус целиком, все пять частей.

Конверт № 2718: «Изотова. Воспоминания о консерватории. 1985 год». Ценность этой пленки для нас неоспорима. Кира Владимировна Изотова — сопрано,

³ А. И. Гомартели и его работе в Ленинградской консерватории посвящена публикация одного из авторов настоящей статьи. См.: [5].

Илл. 5. К. В. Изотова в классе. 1977 год. Программка концерта. 1962 год.
Из фонда иконографии Научной библиотеки СПбГК

знаменитая камерная певица, выступления и записи которой помнят все ленинградские меломаны, профессор, заведующая кафедрой камерного пения, преподававшая в консерватории с 1962 года. В 2013 году Кира Владимировна ушла из жизни, но, благодаря этой записи, мы и сейчас можем услышать ее рассказ об учителях и коллегах — выдающихся музыкантах, работавших в Ленинградской консерватории. Приведем фрагмент этих воспоминаний.

«Всё, что есть во мне хорошего и плохого, положительного, отрицательного, всё я получила в консерватории, и если моя биография творческая и может чем-то привлечь, то только, наверно, своей ординарностью, потому что она такая, как у очень многих.

<...> Прежде всего я хотела бы сказать о своем педагоге по специальности — доценте кафедры сольного пения нашей консерватории Зинаиде Николаевне Артемьевой. Считаю я ее своей матерью, потому что она дала мне вторую жизнь, жизнь музыканта. Конечно, Зинаида Николаевна научила меня правильно петь... Это позволило мне уже с первых шагов выйти на международные конкурсы, получить премии... Профессиональная убежденность и правильность позволила мне идти через всю творческую жизнь с поднятой головой. Но это прикладная наука, необходимая, конечно. Зинаида Николаевна сделала гораздо большее: она заложила фундаментальные основы музыканта, чтобы я была не просто ремесленником, который хорошо владеет своим ремеслом, но не более. Она развивала

во мне пылливость, стремилась заинтересовать той музыкой, которая либо совсем не звучала, либо звучала мало. Мне всегда хотелось что-то найти, что повернуло бы меня какой-то новой стороной.

Зинаида Николаевна была мудрым руководителем, она не торопила мое развитие. Обладая безукоризненным вкусом и удивительным чувством стиля, Зинаида Николаевна осторожно, не торопясь приобщала меня к музыке разных стилей. Она всегда говорила: „Пока я жива, давайте потрогаем и это, и это, и это тоже“. То есть мы не занимались подробным натаскиванием на каком-то отдельном романсе, мы трогали целые пласты, целые стили. <...>

Следующая моя интересная встреча в консерватории была с человеком, который не являлся моим учителем, я у него никакого предмета не проходила, но по той степени воздействия на меня, по тому, сколько я от него получила, он, безусловно, был для меня Учителем. Я имею в виду Николая Семеновича Рабиновича. Вы знаете, я всегда любила и сейчас люблю Моцарта, и первое мое столкновение с Николаем Семеновичем было на основе музыки Моцарта — мы с ним делали его Мотет. Вы знаете, та чистота и безупречность стиля Моцарта, которая была в исполнении Николая Семеновича, для меня даже неожиданная, меня сразу в него влюбились... Всем известен финал Мотета — знаменитая Alleluia, она уже настолько запета... и я так пела. И вдруг Николай Семенович мне говорит: „Нет, голубушка, на верхнее до идти нельзя, у Моцарта этого нет“. Для вокалиста это было

как гром среди ясного неба. „Николай Семенович, что же вы ставите меня в нелегкое положение: ведь скажут, что у меня и до нет“. Насчет ноты „до“ я его уговорила, он разрешил мне взять ее, но делать чудовищные ферматы, которые у нас так любят закатывать в Моцарте, он категорически запрещал. И только потом я поняла его правоту: это так чуждо, так несовместимо с Моцартом, что я поверила ему. Он умел доказать правильность своего решения.

Когда мы начали работу над „Свадьбой Фигаро“, тут совсем уже были чудеса. Я больше не знаю никого, кто бы так в Оперной студии занимался речитативами, именно речитативами моцартовскими. Ну, возможность прийти на спевку к Николаю Семеновичу с невыученным материалом я вообще отрицаю, но для него мало было выученного текста: он требовал осмысленного решения каждого речитатива, требовал, чтобы это был разговор не фальшивыми актерскими голосами и интонациями, а как бы настоящий бытовой разговор, но, конечно, в заданном темпе и с заданными интонациями. Сам Николай Семенович был замечательным партнером, и самую большую радость мне доставляли те встречи, когда кто-нибудь из партнеров не приходил на репетицию. Тогда Николай Семенович, такой сдержанный человек, такой крупный, я бы сказала — даже стеснительный, вдруг превращался в заразительно веселого Фигаро или проказника Керубино, или влюбчивого Графа: глаза его загорались, и даже человек, который никогда не отличался актерскими данными, с Николаем Семеновичем становился настоящим актером. <...>

Исайя Александрович Браудо...

Встретилась я с Исайей Александровичем Браудо, будучи еще студенткой второго курса. Не любить старинную музыку настоящий музыкант, наверное, не может, но все-таки Исайя Александрович ввел меня в этот мир особым путем. Он настолько глубоко знал старинную музыку и так отлично слышал каждый голос, что, работая с ним, не полюбить эту музыку было невозможно. Мне всегда казалось, что Исайя Александрович очень уверенный в себе человек, что у него всё раз и навсегда решено. Это совсем не так. Он был на редкость сомневающимся человеком. Бывало так, что в самую последнюю минуту до концерта он одно решение заменял другим: „Давайте так попробуем, давайте так...“ И я, совсем еще начинающая певица... мне казалось даже страшным высказать какое-то пожелание. А он не просто просил, он требовал, чтобы я высказывала свое мнение. Мы с ним спели массу музыки и даже не столько в концертном исполнении, сколько в сфере домашнего музицирования, что еще прекраснее, потому что вот там-то мы могли как угодно экспериментировать.

И первое впечатление, что он такой рассеянный человек, витает где-то в облаках и мало обращает внимания на земную жизнь, совершенно неверно. Он был человеком, твердо стоящим на земле, очень аккуратным, очень дисциплинированным, я бы даже сказала, в какой-

то степени деспотичным как по отношению к себе, так и по отношению ко всем исполнителям, которых он собирал. А собирал он колоссальные ансамбли, и это был, пожалуй, редкий случай, когда все задуманные ансамбли выносились на эстраду.

Исайя Александрович — первый человек, который подвел меня к убеждению, что старинную музыку нельзя петь как метроном. Его желание, чтобы музыка носила импровизационный характер, рождающийся сейчас, было просто замечательно. Ну, конечно, сначала мы просто выучивали музыкальный текст так, чтобы никаких отклонений никуда не было. А потом он всегда мне говорил: „Я вас прошу: пойте свободно, пойте раскованно, делайте всё, что хотите. Не обращайтесь на меня внимания, в конце концов, мы встретимся“. Это, конечно, было образное выражение. Он хотел свободы, свободы фразы, он требовал жизни в этой фразе, чтобы фраза не была скованной, чтобы она имела определенное устремление. Мне кажется, что это прописная истина, а ведь далеко не все исполняют эти прописные истины.

Мы знаем его как замечательного органиста, а ведь он был и замечательным пианистом. Когда Исайя Александрович садился за инструмент, инструмент (рояль) звучал совершенно особенно. Его прикосновение к клавишам больше я ни с кем не могу сравнить. Его отношение, прикосновение к инструменту сразу заставляло по-другому и вокалиста относиться к этому.

Кроме того, Исайя Александрович был и замечательно интересным человеком — не только как музыкант, он отлично знал наш город и любил его. Он знал, где находятся самые старые ворота на Васильевском острове, и где находилась последняя бубличная на Петроградской стороне, где и как расположена водная система, которая питает фонтаны Петродворца. А как он замечательно говорил о фонтанах, сравнивая их с музыкой!.. С Фантазией Франка... Это просто замечательно! <...>».

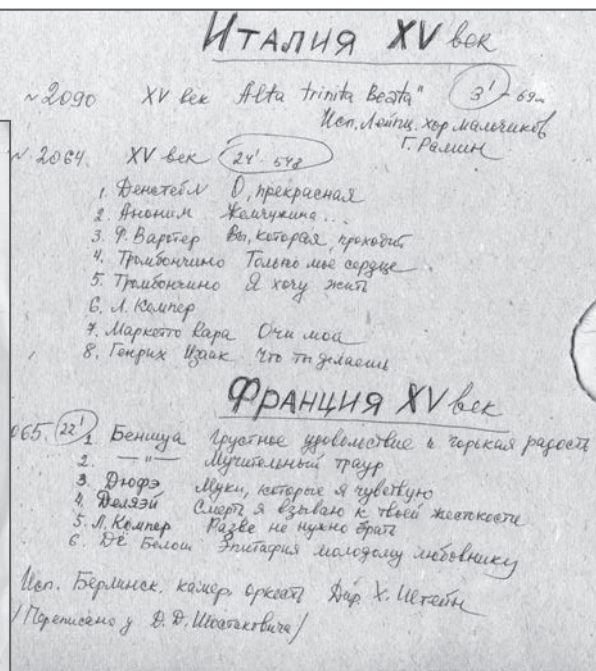
В коллекции Медиатеки есть носители с автографами и дарственными надписями композиторов и исполнителей (Ил. 6, 7). На конверте № 2695 значится: «Переписано у Д. Д. Шостаковича» (Ил. 8).

Пленки, грампластинки и виниловые пластинки в 2000-х годах были выведены из ежедневного обращения. В связи с переездом (мы покинули историческое здание консерватории на Театральной площади в 2015-м) этот фонд хранится нераспечатанным в ожидании надлежащих условий. Педагоги на своих лекциях используют другую часть собрания медиаархива: современные носители и те записи, что оцифрованы и хранятся на сервере Медицентра. Особенное пополнение сезона 2018/2019 — две именные коллекции компакт-дисков. Первая, включающая 293 альбома, — дар консерватории Мирослава Винаевича Култышева — уже каталогизирована, оцифрована и представлена нашим пользователям на большом стенде. Вторая — со-

Ил. 6

Ил. 7

Ил. 8

брание Льва Константиновича Лейбенкрафта, состоящее из 520 аудиоальбомов⁴, — сейчас находится в работе.

Справочная, на чей-то взгляд, возможно, рутинная работа сотрудников медиаархива получает порой совершенно неожиданное продолжение. В июле мы составляли для Г. О. Корчмара отчет о хранящихся у нас фонограммах Н. С. Рабиновича. Григорий Овшиевич прежде всего интересовался записью Третьей симфонии Малера, которая исполнялась у нас в Зале Глазунова⁵. Да, в архиве есть пленка, на конверте которой

значится: «Малер. 3-я симфония. Исп. студенческий орк ЛГК дир Рабинович Н.». Но кто же может ответить, где и когда происходила эта запись? «Как кто!? — парировал Григорий Овшиевич. — Я. Я же стоял на хорах в тот вечер».

Звучащее наследие, свидетельства музыкальной, духовной жизни великих музыкантов, наших учителей, коллекция записей Ленинградской — Петербургской консерватории — наша гордость и наша ответственность!

Литература

1. 60 лет Лаборатории Звукозаписи Санкт-Петербургской консерватории (1939–1999) / Сост., автор вступ. статьи Н. И. Кузнецова, отв. ред. Л. Г. Данько. СПб.: Канон, 1999. 67 с.
2. Буряк С. А. Дирижер Микеладзе. Минск: Ковчег, 2018. 112 с.
3. Вишневская Г. П. Галина. История жизни. М.: Никая, 2011. 800 с.
4. Памяти Н. С. Рабиновича: Очерки, Воспоминания, Документы / Сост. Д. Бухин, Л. Ковнацкая. Вашингтон: Н. А. Frager & Co, [б. г.].
5. Трушталевская Л., Головина Н. Александр Иосифович Гомартели: профессия войны и мира // Musicus. 2015. № 3 (43). С. 33–35.

⁴ Передано консерватории вдовой Л. К. Лейбенкрафта Ольгой Алексеевной Улитиной.

⁵ По хронографу концертных выступлений Н. С. Рабиновича, составленному Д. Бухиным, Третья симфония Малера прозвучала в Малом зале имени А. К. Глазунова 15 марта 1962 года. Исполнители: Симфонический оркестр студентов Ленинградской государственной консерватории, солистка — Н. Юренева, Хор студентов дирижерско-хорового факультета Ленинградской государственной консерватории, Хор мальчиков (художественный руководитель Р. Середа) [4, с. 230]. В своих воспоминаниях, озаглавленных «Маэстро», Г. О. Корчмар пишет: «...Совершенно незабываемой для меня явилась ленинградская премьера Третьей симфонии Малера под управлением Николая Семеновича. С тех пор я неоднократно изучал партитуру этого сочинения, множество раз слушал его как „живьем“, так и в различных первоклассных записях. И все же огромный эмоциональный шок, полученный именно в тот далекий счастливый вечер, по сей день прочно владеет мной, хотя исполнительский аппарат, находившийся в распоряжении Николая Семеновича, состоял в основном из студентов консерватории и учащихся музыкальной школы» [4, с. 87].